

В. ЧАРТОРЫСКИЙ

Князь Владислав *Чарторыский* (1828–1894) – сын князя Адама Чарторыского, известного польского политического деятеля, главы повстанческого правительства 1830–1831 гг., фактический руководитель так называемого Отеля Ламбер, центра консервативно-монархической эмиграции в Париже. 15 мая 1863 г. Чарторыский был назначен главным дипломатическим представителем национального правительства за границей и добивался дипломатической поддержки восставшей Польши со стороны европейских держав. Во время своего пребывания в Лондоне в марте 1861 г. встретился с Герценом и сделал об этом запись в дневнике (см.: W. G z a r t o r y s k i. Pamiłtnik 1860–1864. Protokoly posiedzeń Hotelu Lambert. W., 1960, s. 38). Письмо Герцена к В. Чарторыскому от 27 декабря 1864 г. см. в книге 1-й наст. тома.

Письмо печатается по фотокопии с автографа *BPUG*. Впервые опубликовано М. О к у т ю р ь е на языке оригинала в *ААН*, 287–288.

Перевод с французского:

Париж. 27 августа 1863 г.

Дорогой мой господин Герцен,

Мой соотечественник г. Валигурский¹ приехал, чтобы провести некоторое время в Лондоне. Ему очень хочется познакомиться с вами; кроме того, он намерен попросить у вас об одной любезности относительно русских газет, которые вы, вероятно, получаете.

С удовольствием даю ему эту рекомендательную записку к вам, убедительно прося вас не отказать ему в своих добрых услугах. Надеюсь, вы меня извините за то, что я делаю это; думаю все же, что и вам самому приятно будет поговорить с г. Валигурским, хорошо знающим Польшу и человеком достойным.

Благоволите, дорогой мой Герцен, принять выражение моей преданности.

Вл. Ч а р т о р ы с к и й

На обороте:
г. Герцену

¹ М.Я. Валигурский – банковский служащий в Познани. Как представитель партии “белых” пытался в 1862 г. предотвратить начало польского восстания. Был назначен секретарем иностранного отдела Национального правительства. Вначале находился в Вене, затем в Париже, а с конца августа 1863 г. в Лондоне, откуда систематически присылал корреспонденции в Отель Ламбер, а также в английскую прессу о ходе восстания в Польше. Письмо свидетельствует о продолжавшихся контактах Отеля Ламбер с Герценом. После поражения восстания Валигурский возвратился в Великое княжество Познанское. Был редактором газеты “Dziennik Poznański” и депутатом прусского сейма.

Т. ЛАПИНСКИЙ

Теофил (Феофил) *Лапинский* (1827–1886) – офицер польской армии, затем участник венгерской революции 1848–1849 гг. “Лапинский был в полном смысле слова кондотьер. Твердых политических убеждений у него не было никаких. Он мог идти с белыми и красными, с чистыми и грязными [...] Россию и все русское он ненавидел дико, безумно, неисправимо” – писал Герцен в “Былом и думах”, где Лапинскому и его деятельности посвящена целая глава (XI, 384–390). В 1863 г. Лапинский был командиром неудавшейся экспедиции на пароходе “Ward Jackson”, отправленном из Англии на помощь польским повстанцам; затем он находился в Англии и Швейцарии. В 1878 г. Лапинский возвратился в Галицию, поселился во Львове и умер там, всеми забытый. Статья В. Тренина “Полковник Лапинский и его мемуары”, напечатанная в т. 41–42 “Литературного наследства”, воссоздает своеобразный облик этого деятеля 1860-х годов.

Письмо печатается по фотокопии с автографа *BPUG*. Впервые опубликовано М. О к у т ю р ь е на языке оригинала в *ААН*, 288–289.

Перевод с французского:

(Женева. 11 ноября 1868 г.)

До сих пор я не мог поблагодарить вас и возратить ту ссуду, которую вам угодно было мне дать, и вот я снова осмеливаюсь обратиться к вашей доброжелательности. Видите ли, положение мое стало столь ужасным, что если я не обрету себе спасителя в человеке с вашим умом и душой, то могу считать, что настал последний час мой. Во время своего пребывания в Женеве я все влачу жизнь, исполненную лишений, питая вполне обоснованную надежду, что вскоре плодами своего труда смогу оплатить свои обязательства и выйду из нищеты. Вопреки всем моим ожиданиям ответ из книжной лавки Кампе в Гамбурге, словно удар грома, сокрушил все мои надежды. Кампе, который до сих пор принимал все мои работы, отказывается издать эту под предлогом, что она слишком передовая, и просит меня о другой, более приспособленной, по его мнению, к нынешним интересам Германии¹. Я нахожусь теперь, однако, в таком положении, что не только не могу работать, по той причине, что, не имея денег, уже два дня лишен даже определенного местожительства, но и потому еще, что, будучи вынужден заложить свои последние вещи, я дошел до предела страданий от холода и пр., — и в довершение несчастья мои вещи, заложенные за незначительную сумму в 34 фр. и стоящие в семь или восемь раз больше, будут потеряны, если я не выкуплю их сегодня же, ибо срок их залога уже истек позавчера. Претерпевая столь ужасное бедствие, я обратился к г. Патеку, но я ему совершенно неизвестен, и он просит у меня рекомендации от Чарторыских, с которыми я нахожусь в самых дурных отношениях со времени последнего восстания. Кроме того, я приведен в сильнейшее уныние тем, что тружусь на стезе, которой до сих пор следовал и которая до сих пор принесла мне лишь тысячи огорчений и страданий и где я не нашел, в конечном итоге, ни малейшей помощи, — поэтому я принял твердое решение: в случае, если переживу нынешнее свое положение, то буду искать иное направление. Если бы мне только удалось найти средство заполучить обратно свои вещи и добраться до Вены, я мог бы оттуда отправиться в Галицию, где у меня есть имение, ныне управляемое в высшей степени бесчестным образом моим зятем. Я продал бы это имение (за 12 или, быть может, за 15 000 фр.) и поехал бы в Болгарию, где, как мне кажется, можно быть кое в чем полезным, особенно когда знаешь эту страну так хорошо, как знаю ее я. И дабы сделать возможной для себя эту поездку в Вену, я набрался смелости и обращаюсь к вам за помощью. Чтобы выручить мои вещи и для поездки мне понадобилась бы сумма в сто франков. Но, если сумма эта покажется вам слишком значительной, умоляю вас соблаговолить помочь мне 34 фр., чтобы получить возможность выручить мои вещи. Я оставляю себе лишь самое необходимое, продам остальное и смогу поехать. Поверьте мне, милостивый государь, что, кроме вечной моей благодарности — потому что я вам буду буквально обязан жизнью, — я сделаю все для меня возможное и уверен, что смогу возратить вам свой долг до Нового года. Не очень-то пристойно просить у вас денег взаймы и предлагать вам свои услуги, но, будучи теперь совершенно свободным и не имея никаких обязательств пред кем бы то ни было, прошу вас, если моя скромная особа может быть хоть сколько-нибудь полезна для дела, которое вы защищаете, располагать мною. Я вам буду признателен тем более, что в настоящее время представляю собой как бы корабль без мачт и без руля, не зная, в какую сторону направиться. Без вашей помощи, милостивый государь, я чувствую себя сейчас совершенно погибшим; я не знаю даже, где проведу ночь и не следует ли мне искать себе жилища в вечности. Я позволю себе прийти к вам через час и прошу отнестись снисходительно к предпринимаемому мною шагу².

Благоволите принять, милостивый государь, выражение моего глубочайшего уважения.

Т. Л а п и н с к и й

Женева, 11 ноября 1868 г.

Я принял решение написать заранее это письмо, ибо мне невозможно было бы объяснить вам устно все свои горести.

¹ В издательстве “Hoffmann und Kampe” (Гамбург) вышли две большие книги Лапинского: “Der Feldzug der ungarischen Hauptarmee im Jahre 1849” (1850) и “Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf”. Bd. I–II (1862). О каком новом своем сочинении говорит здесь Лапинский, не установлено.

² Как отнесся Герцен к просьбе Лапинского, неизвестно. 26 ноября он сообщил старшей дочери из Женевы: “Лапинский украл у Сверцякевича последнее пальто и деньги – и скрылся, а Сверц(якевичу) есть нечего” (XXIX, 495).

Приложение:

ГЕРЦЕН И ПОЛЬША

Обзор В. и Р. С л и в о в с к и х^{104*}

В биографии Герцена так называемый “польский вопрос” занимал весьма важное место. Многие лучшие и наиболее выразительные страницы его художественных произведений, воспоминаний и публицистики посвящены польской проблематике. Являясь важной составной частью мировоззрения Герцена, его взгляды на польский вопрос постоянно эволюционировали под воздействием конкретных исторических событий. Однако в общей системе его убеждений одно оставалось неизменным: глубочайшая уверенность, что каждая нация имеет право на политическую независимость, на борьбу с чужеземным игом. При этом Герцен считал, однако, необходимым, чтобы национальная борьба гармонически сочеталась с борьбой за социальное освобождение, чтоб она не осложнялась национальной ненавистью и предрассудками. Это убеждение было свойственно ему с молодых лет. Сочувственно откликнулся Герцен на польское восстание 1831 г.; как с личными друзьями и верными союзниками, встречался он в годы ссылки с подвергшимися репрессиям польскими заговорщиками и повстанцами, в частности с П. Цехановичем (I, 123–130). За свободную и независимую демократическую Польшу великий русский революционер боролся до последних дней жизни.

В пестром хороводе друзей, знакомых, посетителей и корреспондентов Герцена во все время его зарубежной деятельности мы неизменно встречаем поляков. Его отношение к большинству из них полно доброжелательности, хотя порой окрашено немалой дозой скептицизма, столь характерного для склада ума Герцена¹.

Еще в России Герцен увлеченно читал стихи и лекции великого Мицкевича, а также философские труды А. Цешковского и откликался на них в своем дневнике. В 1849 г. он имел возможность лично познакомиться в Париже с Мицкевичем, а еще до того, в 1847 г., с видным политическим деятелем А. Бернацким. На страницах “Былого и дум” Герцен впоследствии воссоздал эти встречи, обобщив свои впечатления от незаурядных представителей польской демократии. Знакомство с некоторыми поляками перешло в приятельские отношения (например, с К.-Э. Хоецким)².

Самые близкие связи с польскими соратниками по борьбе завязались, однако, у Герцена в лондонский период его жизни. Здесь он тесно сблизился с С. Ворцелем, с которым, вероятно, эпизодически встречался ранее, в Париже. В лондонском доме Герцена появились Л. Чернецкий и С. Тхоржевский. С самого зарождения Вольной русской типографии и до конца жизни Герцена они не расставались с ее создателем – и в лучшие, и в самые мрачные для него времена.

Не случайный, что еще в самом начале издательской деятельности Герцена его внимательный взгляд останавливался на группе польских демократов и что именно они, члены Польского демократического общества, оказались его непосредственными помощниками при создании Вольной русской типографии и даже первыми в ней

^{104*} Эта статья, специально написанная в конце 1980-х годов для т. 96 “Лит. наследства” (“Герцен и Запад”), по ряду причин в него не попала и была напечатана авторами (во французском переводе) на страницах парижского журнала “Cahiers du monde russe et soviétique”, 1986, № 2. Публикацию предоставленного нам ранее текста статьи, которая в большинстве своих аспектов не устарела, мы сочли вполне целесообразной. – Ред. Перевод с польского А.Г. П и о т р о в с к о й.

наборщиками; на них Герцен мог опереться в тот начальный период своей деятельности, когда до него не доходили еще голоса с родины. И главное: польские эмигранты предоставили в распоряжение Герцена каналы, по которым поддерживались постоянные нелегальные связи с Российской империей. Первыми распространителями печатных изданий Герцена на его родине были также поляки, например Ю. Ольшевский³. Они же стали первыми жертвами репрессивных мер царских властей, вступивших в ожесточенную борьбу с распространением вольного слова.

Сосуществование – под общей кровлей и на общем “балансе” – двух типографий, русской и польской (причем расходы, в основном, ложились на одного Герцена), было недолговременным – с мая 1853 до декабря 1854 г. Тем не менее, факт этот имел не только символическое значение. Это было ясно самому Герцену и польским деятелям, и прежде всего беспредельно уважаемому и любимому им С. Ворцелю, который в первые, самые трудные месяцы поддерживал Герцена, целиком отдаваясь устройству типографии. Он улаживал всякого рода формальности, устанавливал отношения с книготорговцами, высылал заказы, жил интересами типографии. Вместе со своим русским другом Ворцель установил типографскую машину, радуясь первым напечатанным листам⁴. Среди них была и прекрасная листовка Герцена “Поляки прощают нас”, написанная 20 июля 1853 г. и напечатанная по-польски в сентябре того же года⁵. Листовка была проникнута верой в скорое восстановление свободной, демократической Польши. Это был ответ на обращение Центрального комитета Польского демократического общества к русскому народу в связи со вступлением царских войск в Придунайские княжества.

Рождение первых воззваний не обошлось без трений и обид. Герцен обвинял представителей польского Центрального комитета в том, что они не учли его замечаний, касавшихся, в значительной мере, католической ориентации польского документа, и отказался перевести его на русский язык. Нетрудно установить, какие аспекты воззвания противоречили мировоззрению Герцена, которому чужда была всякая религиозная символика. Он был убежден, что фразеология, характерная почти для всей польской патриотической печати того времени, не могла вызвать сочувствия в русском обществе. Однако это расхождение не имело определяющего значения: в тексте воззваний есть немало общих положений, а заключительные абзацы обоих документов заключают в себе один и тот же призыв “за нашу и вашу волюность”⁶.

Этот же исторический призыв Герцен повторит в своей речи на торжествах по случаю 23-й годовщины польского восстания 1830 г., а также на митинге, устроенном чартистскими деятелями в годовщину февральской революции 1848 г. К этим проблемам он вернется и в листовке “Вольная русская община в Лондоне. – Русскому воинству в Польше” и в статье “Польско-русский революционный союз”, напечатанной по-польски в июне 1854 г. на страницах газеты “Demokrata Polski”. В этих двух публикациях четко определялась позиция Герцена во время Крымской войны; в них подвергалась осуждению политика николаевской России. Герцен призывал прогрессивные силы России воспользоваться вызванным войной ослаблением самодержавия для выступления против правительства и предлагал революционный русско-польский союз, целью которого должно было являться социальное и политическое освобождение обоих народов. Русский солдат не должен брать на себя роль угнетателя других народов, заявлял Герцен. “Освобождение Польши – половина освобождения России. Свободная Варшава – смерть для императорского Петербурга”, – писал он тогда (ХІІ, 213). Девять лет спустя, перед польским восстанием 1863 г. и после него, он повторит тот же тезис. Выступления Герцена по кардинальным вопросам русско-польских отношений создали ему большую популярность как среди польских эмигрантов, так и в самой Польше, снискав издателю “Колокола” заслуженную славу защитника польского дела.

Однако не вся деятельность Герцена и не все его выступления встречали одобрение в среде польской эмиграции. Принятое им в 1854 г. решение о разделе находившихся под одним кровом русской и польской типографий вызвало особенно

большое неудовольствие. Ворцель, как и другие члены Центрального комитета, пробовал отговорить Герцена от этого шага, лишавшего поляков существенной материальной помощи. Публикуемое выше письмо Ворцеля к Герцену от 16 декабря 1854 г. добавляет несколько немаловажных штрихов к тому, что мы до сих пор знали лишь по тексту “Былого и дум” (XI, 142–143) и по письму Герцена к Ворцелю от 22 декабря того же года (XXV, 220–221). В своем письме Ворцель выразил убеждение, что раздел типографий может отрицательно сказаться “на общем польско-русском деле”. И Герцен, не видевший возможности оставить типографию в обремененном долгами доме, который был снят на имя Л. Зенковича, все же написал под влиянием Ворцеля объяснение, предназначенное для публикации, заверяя поляков, что раздел типографий вызван чисто экономическими причинами и что он по-прежнему убежден в необходимости еще теснее сплотиться в общем деле “маленького меньшинства русских революционеров” и представителей республиканской и социальной Польши (см. XXV, 221).

Несмотря на все заверения, отношения Герцена с деятелями Польского демократического общества (исключая самого Ворцеля) после этого инцидента испортились. Это не только объяснялось финансовыми недоразумениями, о которых Герцен вспоминал впоследствии в “Былом и думах”, но имело и более глубокие причины: Герцен не одобрял антирусской “митинговой” деятельности, которую стала проводить польская эмиграция после начавшейся Крымской войны, не верил в возможность дипломатического вмешательства европейских держав в защиту независимости Польши. С другой стороны, многие из его высказываний того времени вызывали сильное недовольство в польском (да и не только в польском) обществе. Либеральные иллюзии Герцена, связанные с личностью Александра II и проводимыми им реформами в начале нового царствования, воспринимались деятелями польского освободительного движения с большим скептицизмом, а порой и с раздражением. Но в резкой полемике, разгоревшейся в польской эмигрантской прессе, нельзя видеть лишь проявление польского национализма; хотя националистические нотки нередко звучали в этих публикациях, однако не они главенствовали в полемике.

Против иллюзий редакторов “Колокола” в отношении Александра II выступил (в газете “Demokrata Polski”) анонимный автор статьи “Отношение русских к крестьянской проблеме”, доказывая свой основной тезис: “Для того, чтобы прогресс под любым предлогом победил в России, хотя бы под предлогом освобождения крестьян, необходимо сначала свергнуть царизм и произвести отделение Польши”⁷.

В 1858 г. З. Милковский, впоследствии писавший под псевдонимом Т.-Т. Ежа, начал на страницах той же газеты “Demokrata Polski” полемику с “символом веры” “Колокола”⁸, утверждая, что перемены на русском троне ничего не изменили в положении Польши, и выразил сомнение в уместности открытых писем к царю и царице по поводу воспитания наследника престола. По его мнению, обличение и разоблачение злоупотреблений властей – явно недостаточная задача для революционного органа, так как основной целью должно быть не улучшение царизма, а его свержение. “Секрет того, что Муханов зол на Польшу, повторяем, не в том, что он Муханов, а в том, что он царский чиновник, наместник царизма (...) Царизм и польский дух – это две противоречащие друг другу идеи, соединение которых должно привести к борьбе за уничтожение друг друга”. За этим следовал важнейший вывод: дело не в том, чтобы царские чиновники в Польше стали лучше, а в том, чтобы их *совсем не было*: “Простая замена чиновников” ничего не решит: она лишь отвлечет общественное мнение от его истинных задач и обязанностей⁹.

Эта позиция в известной мере совпадала с позицией революционно-демократического “Современника” Добролюбова и Чернышевского в их полемике с Герценом в середине того же года.

Таким образом, газета “Demokrata Polski” присоединилась к другим голосам, критиковавшим программу “Колокола” за его либеральные иллюзии и колебания, определяя тем самым позицию польской демократии. Смысл этих выступлений не вызывал сомнений: в них решительно выдвигался вопрос о необходимости сверже-

ния царизма и восстановления самостоятельного польского государства. Выступления эти были направлены против самых слабых мест герценовской программы.

На статьи "Demokrata Polski" Герцен не отвечал, зато он вступил в полемику со статьями, появившимися в журнале "Przegląd Rzeczy Polskich", издававшемся в Париже С. Эльжановским¹⁰. Ответом на эти публикации был целый цикл статей Герцена, объединенных затем под общим названием «Россия и Польша. Ответы статьям, напечатанным в "Przeglądzie Rzeczy Polskich"» (XIV, 7–59). В этом цикле статей издатель "Колокола" изложил свою концепцию по национальному вопросу вообще и польскому в особенности. Он по-прежнему провозглашал право наций на самоопределение, право решать, оставаться ли им единым организмом или же полностью отделиться, и заявлял, что поляки, как и другие народы, имеют неотъемлемое право на государственное существование независимо от России. В дискуссии Герцен старался сохранять умеренность; при этом он защищал русский народ от огульных характеристик, искажавших его истинную сущность и намерения. Герцен утверждал, что борьба за свободу в Российской империи не сводится к польскому вопросу; что польская проблема является лишь одним из ее аспектов, а главным содержанием остается освобождение крестьян с землею. Отвечая за статью "Прогрессивная русская мысль и ее отношение к польским задачам", которую он назвал "замечательной статьей о наших мнениях", Герцен утверждал: "*Спору, собственно, между нами нет, а есть огромные недоразумения, происходящие от разных начал, от которых мы идём*" (XIV, 36). Далее он развивал идею славянской федерации на развалинах самодержавного режима, с опорой на крестьянскую общину. Свое последнее, пятое письмо из цикла "Россия и Польша" Герцен закончил призывом к взаимному познанию народами этих стран своих судеб в прошлом и настоящем, прежде чем ими будет принято окончательное решение о дальнейших взаимоотношениях. Письмо это датировано 25 марта 1860 г.

Кровавые события в Царстве Польском и реакция Герцена на резкое изменение там политики русского самодержавия – от уступок к репрессиям – отодвинули на задний план недавнюю полемику и заглушили в сознании большинства поляков прежние разногласия, усилив симпатию к благородному "защитнику Польши". Популярность Герцена среди поляков увеличивалась буквально с каждым днем. Его новые публикации в "Колоколе" по польскому вопросу вызывали всеобщее восторженное одобрение.

Кровопролития в Варшаве резко изменили тон публикаций "Колокола". В патетических статьях "Vivat Polonia!" и "10 апреля и убийства в Варшаве", "Mater Dolorosa" и др., прославивших мученичество Польши и обошедших всю европейскую прессу, перо Герцена достигло вершин выразительности, соединив в себе пафос и иронию, яркость формы и глубину содержания. Энтузиазм поляков, вызванный этими блестящими и подкупающе искренними статьями, был понятен – они волновали все сердца. Отовсюду Герцен получал в это время многочисленные адреса с сотнями подписей поляков и выражениями горячего одобрения. Успех герценовских изданий в Польше с той поры значительно возрастает, они становятся частью польской пропаганды; во время обысков, производившихся в Царстве Польском, полиция постоянно обнаруживает их то в виде печатных изданий, то в виде рукописных копий¹¹.

Об этой популярности изданий Герцена свидетельствует и распространение в 1861 г. "Молитвы русского" ("Гимна русских") в виде листовки и публикация ее в ряде органов польской печати: в львовском "Dziennik Literacki" и в "Demokrata Polski". В этом "гимне" был следующий припев:

Мольбу к тебе возносим: ниспошли нам,
Господь, побольше Пестелей и Герценов!¹²

Обращенные к Герцену адреса "польских дам" и краковских участников тайных обществ, польских эмигрантов из Франции и ряд личных писем жителей всех трех частей разделенной Польши¹³ давали Герцену большое моральное удовлетворение. В письме от 15 августа 1861 г. к К.-Э. Хоецкому, который писал в это время биогра-

фию Герцена для “*Panthéon Parisien*”, он сообщал, что получил от поляков “600 подписей отовсюду” (XXVII, 171), и выразил желание, чтобы Хоецкий не забыл упомянуть об этом в своем очерке. Герцен считал также необходимым публично заявить о своей благодарности в письме к издателю “*Przegląd Rzeczy Polskich*” за то “большое число писем коллективных и частных”, в которых выразилось самое “горячее братское сочувствие” (XV, 113). До издателя “Колокола” доходили и неприязненные голоса. 13 мая 1861 г. Герцен сообщал М.К. Рейхель: “Мелюзга меня бранит за статьи о Польше, — я с своей дороги не сойду ни на шаг — это знамя донесу. И всякое событие в России показывает, что я прав” (XXVII, 152).

Но не к каждому выступлению в защиту Польши Герцен присоединял свой голос. Он отказался, например, от участия в большом митинге, организованном польскими эмигрантами из Отеля Ламбер (центра консервативно-монархической эмиграции в Париже) с целью привлечения общественного мнения к защите Польши. Ответ Герцена, посланный В. Чарторыскому, не оставляет сомнения о том, что он ни в коем случае не собирался поддерживать своим авторитетом польскую аристократию; при этом он, однако, подчеркивал, что никогда не выступит против каких-либо акций, предпринятых во имя независимости Польши (см. XXVII, 156–158)¹⁴.

Отказ от участия в этом митинге, организованном деятелями Отеля Ламбер, не означал, однако, отказа Герцена от сотрудничества с лагерем Чарторыхских. Наоборот, незадолго до восстания 1863 г. и во время этого восстания контакты Герцена с Чарторыхскими как будто даже укрепляются¹⁵. Надо сказать, что контакты эти всегда имели чисто тактический характер; обе стороны отдавали себе отчет в том, что у них разные цели и не только разные, но и даже противоположные исходные позиции; однако в этот период и те и другие считали более полезным для общего дела взаимно оказывать конкретные услуги. Осенью 1861 г. и в начале 1862 г. роль “связного” между Отелем Ламбер и Герценом исполнял З. Йордан. Его посредничеством Герцен пользовался, когда считал нужным поместить во французской прессе, прежде всего в газете “*Opinion Nationale*”, постоянным сотрудником которой был Йордан, нужную информацию, а также при пересылке в Царство Польское печатных изданий Вольной русской типографии. В январе 1862 г. Йордан приехал к издателям “Колокола” в Лондон на официальные переговоры о сотрудничестве. Отель Ламбер надеялся использовать влияние Герцена для предотвращения преждевременного восстания в Польше. Сторонником усиления сотрудничества с Герценом был и Ю. Клячко, кстати сказать, автор первой польской заметки о Герцене, появившейся анонимно в 1851 г. в познанской газете “*Goniec Polski*”¹⁶. Издатели “Колокола” были заинтересованы в укреплении связей с Россией через Турцию и в использовании каналов, которыми располагали Чарторыхские для нелегальной пересылки изданий Вольной русской типографии; Отель Ламбер мог содействовать и помещению в европейской, и, прежде всего, французской прессе, в частности в “*Journal des Débats*”, материалов о России, подготовленных Герценом и Огаревым. Изредка Отель Ламбер предоставлял Герцену и свои дипломатические каналы. Как явствует из сохранившейся переписки, услуги эти они оказывали друг другу на всем протяжении восстания 1863–1864 гг. Лучше всего реализовалась та часть заключенного в январе 1862 г. соглашения, которая относилась к пересылке герценовских изданий. Йордан вел также переговоры с книготорговцами из Копенгагена о доставке морякам с русских кораблей печатных изданий Вольной русской типографии и о пересылке их через Балканы и Турцию на Кавказ и в южную Россию. Благодаря этому “Колокол” и другие издания Герцена доходили до русских старообрядцев-некрасовцев в Добрудже, тогда принадлежавшей Турции. При посредничестве Л. Гадона, будущего секретаря В. Чарторыхского, был установлен контакт и с их главарем — казаком-некрасовцем О. Гончаровым.

Если отношения издателей “Колокола” с Отелем Ламбер диктовались конъюнктурными и тактическими соображениями, то развивавшемуся параллельно сотрудничеству с польской демократической “левицей” они придавали основное значение, видя в нем одно из главных условий успеха освободительной борьбы России и Польши.

В начале 1860-х годов Герцен, располагавший обширной информацией (как известно, он имел тайных корреспондентов и среди поляков¹⁷), был твердо уверен, что Польша вместе с Россией находится накануне неизбежных перемен. На первый план выдвигался вопрос о польско-русском революционном союзе, в создании которого основная роль принадлежала Герцену, Огареву и Бакунину. Напечатанные на страницах “Колокола” в форме листовок Вольной русской типографии заявления подготавливали почву для этого союза, воздействуя на общественное мнение обоих народов, устраняя вековые предрассудки, недоверие и подозрительность.

Драматические события этого переломного в истории России и Польши периода и все, что связано с ним в биографии Герцена, уже служили предметом исследований советских и польских историков¹⁸. За время, отделяющее нас от появления сенсационных документов “пражской коллекции”, напечатанных вместе с дополнительными материалами из других иностранных и советских собраний в томах 61–64 “Литературного наследства”, были произведены многочисленные исследования источников, позволившие всесторонне осветить историю создания русско-польского союза, преодолевавшихся трудностей, неизбежных ошибок и достигнутых результатов. Эти исследования и неизданные документы, появившиеся в сборниках “Революционная ситуация в России”¹⁹, в сборниках, издаваемых Институтом славяноведения и балканистики АН СССР²⁰ и в польско-советском издании “Восстание 1863 года. Материалы и документы”²¹, весь богатейший материал комментариев к 30-томному Собранию сочинений и публикации во многочисленных научных журналах не только дали множество новых фактов, но и позволили вернее и полнее поставить и решить главные проблемы русско-польских связей. Этот материал помог по-новому прочесть и самого Герцена, а также выпускавшиеся им издания. Важным событием в изучении польского вопроса явился выход в свет главнейших документов в переводе на польский и русский языки²². Собраны и обработаны мало известные прежде разрозненные материалы по теме “Герцен в польском общественном мнении и литературной критике”²³. Эти богатые документальные источники были использованы в ряде обобщающих работ – коллективных монографиях²⁴, в биографии Герцена, написанной авторами настоящей статьи²⁵, а также в “Летописи жизни и творчества А.И. Герцена”, скрупулезно отмечающей каждый факт его биографии, каждое его выступление в печати²⁶.

Для выяснения вопроса о русско-польском революционном союзе важное значение имела публикация материалов о провокационной деятельности Ю. Балашевича-Потоцкого и о его роли в разжигании конфликта между обеими сторонами²⁷. Об этом было известно уже более столетия – с того времени, когда в 1875 г. этот агент III Отделения был разоблачен его секретарем А. Бутковским; часть материалов по этому вопросу М.К. Лемке опубликовал в т. XV редактировавшегося им “Собрания сочинений и писем” Герцена; о “деятельности” этого агента писали Я. Ивашкевич²⁸, Е.В. Борейша²⁹, И.М. Белявская³⁰. Несмотря на это, исследователи еще до недавнего времени допускали ошибки, принимая провокационные письма агента за достоверные свидетельства, что приводило к далеко идущим ошибочным выводам. Если и теперь такого рода aberrации встречаются у историков, располагающих богатым арсеналом архивных материалов, то можно ли удивляться охваченному сомнениями Герцену, предполагавшему, что “подложные письма” – это интрига “белых”, принятая с целью сорвать его сотрудничество с “красными”³¹. Подозревая в провокационной деятельности некоего Огинского, связанного с русским посольством в Лондоне, Герцен не исключал и того, что присланное будто из Варшавы письмо на бланке с печатью Национального комитета – подлинное. Зерно сомнения было брошено умело, со знанием ситуации и психологии договаривающихся сторон. Оно ограничивало деятельность, вызывало подозрения, чувство обиды, горечь... Видимо не случайно, Герцен в июле того же года отказался дать рекомендательные письма в Варшаву³².

Несмотря на то что провокационное происхождение ряда писем к Герцену и другим деятелям русской эмиграции вскоре стало известно, оно все же оставило непри-

ятный осадок. Между тем Герцену становится все яснее неизбежность поражения польского восстания. Он ищет ошибки в собственных действиях и в деятельности Бакунина и Огарева. Настроения эти живо отразились в письме к Бакунину от 1 сентября 1863 г., в котором он определил польское дело как “не наше дело – хотя и правое относительно” и предостерегал от совершения дальнейших ошибок, советуя “эклипсироваться и поработать в тиши” (XXVII, 372). Как представлял себе Герцен работу “в тиши”, свидетельствует лишь сравнительно недавно ставшее известным предисловие его к польским запискам Ч. Пирсона³³. О своих сомнениях по “польскому вопросу” он высказывался только в кругу близких друзей. Когда же Герцен выступал публично, то вновь и вновь предрекал “будущий союз для новой жизни обоих народов” (XVIII, 296). Письмо Герцена к И.С. Тургеневу, подводившее итог его раздумьям о пройденном пути и выражавшее убеждение в правильности избранной им позиции, заканчивалось столь часто цитировавшимися словами: “Мы спасли честь имени русского – и за это пострадали от рабского большинства” (XXVII, 455).

Гораздо меньше знаем мы о контактах Герцена с поляками во второй половине 1860-х годов. Поражение польского восстания не могло не сказаться на этих отношениях – ведь надежды, которые с ним связывали, не принесли ожидаемых результатов. Герцен болезненно воспринимал несправедливые обвинения по своему адресу, будто он “подстрекал” поляков к вооруженному выступлению, а в критический момент от них отступился. Вскоре произошло еще одно острое столкновение с польскими революционными эмигрантами в связи с ошибочной формулировкой в статье Огарева “О продаже имений в Западном крае”. Резкие критические замечания по этому поводу испортили немало крови Герцену³⁴. Возмущение польской эмиграции было в какой-то мере оправданно. Не случайно с протестом против статьи Огарева выступил А.А. Серно-Соловьевич в листовке “Question polonaise. Protestation contre le *Kolokol* d’un Russe” в газете “*Niepodległość*”³⁵. Однако вывод, к которому пришел Серно-Соловьевич и польские деятели, будто издатели “Колокола” изменили свои прежние взгляды на польский вопрос, был несправедлив. Герцен стремился доказать это в листовке “Нашим польским братьям”, подписанной им и Огаревым (XIX, 164–165). Она была затем опубликована в переводе на польский язык Ю. Токаржевичем³⁶.

Реакция на статью Огарева не была чем-то неожиданным; в ней выразилось то, что в течение нескольких лет назревало в польском общественном мнении. Ответом на шовинизм части русского общества явилось усиление антирусских настроений в отдельных польских кругах, польский национализм. В дискуссиях, которые велись польской эмигрантской печатью по поводу причин поражения восстания, не раз возвращались к вопросу о польско-русском союзе, причем высказывалось необоснованное мнение, будто этот союз ничего не дал и, более того, ничего не мог дать Польше. Об этом писала, например, в 1865 г. газета “*Wytwałość*”, издававшаяся в Брюсселе В. Сабовским, характеризуя союз, заключенный с редакторами “Колокола” как “мечту, которую нельзя простить, и как ошибочный политический шаг”.

В одном из своих донесений Балашевич-Потоцкий уверял, что статья эта появилась под его влиянием и что ему принадлежат ее антигерценовские акценты³⁷. Надо думать, что это отвечало действительности. Однако подобная статья никогда не появилась бы, если бы не представился подходящий момент.

Следующие годы еще более отдалили Герцена от поляков. Только группа, связанная с газетой “*Gmina*”, издававшейся Ю. Токаржевичем и Ю. Бжезинским, оставалась ему в какой-то мере близкой. Идеи славянской федерации и общинного социализма, которые провозглашал этот орган, не имели, однако, отклика у эмигрантов. Кроме газеты “*Gmina*”, чья деятельность, однако, в это время была в значительной степени эфемерной, ни одна из эмигрантских группировок не находила общего языка с Герценом: правое крыло – вследствие националистических предрассудков и различия в мировоззрении; левому же крылу были ближе ученики Чернышевского – “молодая эмиграция”, с которой у Герцена установились обостренные, а порой и открыто враждебные отношения. Поэтому его контакты с польскими деятелями, например с Я. Домбровским, имели чисто личный характер.

Сторонники Л. Мерославского всегда были решительными противниками союза с революционной Россией. После неудачи польского восстания 1863 г. они возобновили свои атаки против издателей “Колокола” (и в этом опять-таки немалую роль сыграл провокатор Балашевич-Потоцкий). Чаще всего обвинения их сводились к тому, что Герцен, Огарев, Бакунин, а также представители “Земли и воли” будто бы подстрекали поляков к восстанию, уверяя, что готовы к борьбе, и обещая поддержку, а затем в критический момент помощи этой не оказали. Тезис этот очень часто повторялся, его выдвинул еще в 1863 г. небезызвестный Д.К. Шедо-Ферроти – правительственный агент и автор антигерценовских брошюр, и официальная историография воспользовалась им, представляя Герцена, с одной стороны, как “польского агента”, а в другой – как ренегата, который мифом о своем могуществе подстрекал поляков к восстанию. Тем обиднее было Герцену, когда тезис этот время от времени появлялся в польской эмигрантской периодической печати и в брошюрах. На одну из таких брошюр, “Lettre du général Mieroslawski au major Brazewicz” (Genève, 1868), Герцен счел необходимым ответить статьей в “Kolokol”, отвергая ложные обвинения, будто бы он хотел захватить “верховное руководство польским восстанием” (XX, 290–293). Полемика эта продолжалась на страницах газеты “Peuple Polonais”, находившейся в орбите влияния Мерославского³⁸.

Во второй половине 1860-х годов тон большинства польских высказываний о Герцене имел явно вызывающий, а то и прямо враждебный характер. “Niepodległość” и “Głos Wolny” постоянно твердили, что “гораздо больший вред приносит делу обманчивая вера в помощь русских конспираторов, революционеров и нигилистов, чем в помощь европейских государств”. Об “измене” русских революционеров писал и Ю.И. Крашевский³⁹.

Мнение о двойственной роли, которую будто бы сыграли издатели “Колокола” в период польского восстания 1863 г., имело широкое распространение не только при жизни Герцена, но и после его смерти. Участник польско-русских переговоров 1862 г. А. Гиллер, которого трудно подозревать в особом пристрастии к Герцену, счел своей обязанностью высказаться по этому поводу в письме к Крашевскому от 13 марта 1877 г.: «Герцен и Огарев не конспирировали в России, – писал он. – Из Лондона они распространяли революционные принципы среди своего народа (...) При посредничестве поляков Герцен установил связи с этим обществом (т.е. “Землей и волей”) (...) Неправда, будто Герцен, Бакунин и нынешние заговорщики подстрекали поляков к восстанию. Неправда и то, что они будто бы предали поляков. Не предал ни один из тех даже, кто не помогал полякам. Палачи и угнетатели вербовались из русских либералов, разновидности национал-либералов. Заговорщики – настоящие революционеры – не заслуживали того упрека, какой им позднее делался, будто из подстрекателей они стали палачами»⁴⁰.

Нет ничего удивительного в том, что Герцен был глубоко обижен и рассержен несправедливыми обвинениями польских демократов: “Польскому делу мы принесли, что могли, далее нам приходится повторять одно и то же. Мы горды тем, что за него лишились нашей популярности, части нашей силы; мы горды той бранью, той клеветой, той грязью, которую бросали в нас за Польшу ярлыги патриотизма и *содержанцы* III Отделения”, – писал он в ноябре 1863 г. в статье “В вечность грядущему 1863 году” (XVII, 296).

Однако самоотверженному борцу за общее дело поляков и русских трудно было примириться с тем, что на него клеветают недавние союзники. В один из таких тяжелых моментов у него вырываются полные скорби и желчи слова о том, что роль, которую он, Огарев и Бакунин сыграли в польском вопросе, была “колос(сальной) ошибкой” и что из-за “соверш(енной)” неспособности, отсталости, тупости этой доблестной и глупой нации” издатели “Колокола” “сгубили свое положение” (XXIX, 88). По мнению некоторых близоруких исследователей, это горькое признание зачеркивает все заслуги Герцена перед “польским делом”. Одни цитируют его как доказательство “отступничества” Герцена, другие стыдливо умалчивают о нем, чтобы не нарушить “благообразия” образа Герцена. Ни терзавшие Герцена сомнения в пра-

вильности своей позиции по польскому вопросу, до, во время и после польского восстания 1863 г., ни несправедливые упреки, брошенные им в адрес “поляков” вообще и конкретных личностей в частности, нисколько не снижают благородной и мужественной роли в польском вопросе великого друга и защитника Польши.

О том, насколько Герцен стоял выше мелочных обид, свидетельствует его статья 1867 г. “Мазурка”, опубликованная в предпоследнем, 243-м листе “Колокола” (XIX, 270–272). Это блестящее выступление Герцена в защиту раздавленной Польши было перепечатано польской демократической прессой, в том числе и неприязненно к нему относившейся газетой “Głos Wolny”⁴¹.

В эпистолярном наследии Герцена переписка с поляками занимает место, далеко не пропорциональное тому значению, какое он придавал польскому вопросу. Из 3000 без малого писем (к 236 адресатам), опубликованных в 30-томном Собрании сочинений, только 116 писем обращено к польским адресатам, и этих адресатов – всего семнадцать. Если же принять во внимание, что из этого числа 78 писем адресовано постоянным сотрудникам Вольной русской типографии, которые считались почти членами семьи, – С. Тхоржевскому (75 писем) и Л. Чернецкому (3 письма), то круг известных нам польских корреспондентов Герцена сведется к 15 личностям (35 писем). По ряду источников удалось установить, что в разное время Герценом было послано еще 24 не дошедших до нас письма к 13 польским адресатам (не считая Тхоржевского и Чернецкого)⁴². Общий итог, как мы видим, исключительно скромнен. Этот удивительный на первый взгляд факт, по-видимому, можно объяснить, с одной стороны, тем, что польская корреспонденция в большей своей части касалась строго конспиративных дел и сразу же уничтожалась, а с другой стороны, потерями, которые польские рукописные собрания понесли в годы второй мировой войны.

Столь же фрагментарный характер имеет эпистолярный архив польских корреспондентов Герцена, по-видимому, по тем же причинам. До середины 1980-х годов было известно, кроме записок к Герцену Тхоржевского и Чернецкого, около 20 таких писем – к ним относятся письма Ю. Токаржевича (самые интересные из них опубликованы в “Литературном наследстве”)⁴³. Публикуемые в книге 1-й наст. тома три письма Герцена к польским корреспондентам – Б. Залескому, В. Чарторыскому и шестнадцать писем к Герцену польских эмигрантов еще больше вводят нас в круг дел и проблем, волновавших создателя Вольной русской типографии и его польских друзей, союзников, просителей, доброжелателей и недоброжелателей.

В числе корреспондентов Герцена присутствуют наиболее известные польские деятели той эпохи, которые – в зависимости от своих убеждений и исторического момента – с надеждой или опасением взирали на великого представителя революционной России и пытались установить с ним непосредственные контакты.

Не случайно польский мемуарист М. Модзелевский, участник восстания 1863 г., сосланный в Сибирь, записал в своем дневнике, что во времена его молодости, в 1860-х годах, было “два царя – Александр II и Герцен, один – официальный, другой – духовный”⁴⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ R. Ł u ż n y. Polacy we wspomnieniach Hercena (“Polska Akademia Nauk. Oddział w Krakowie”. Sprawozdania, styczeń-czerwiec. Kr., 1963).

² См.: *Звенья* II, 369–382; “Лит. наследство”, т. 61, с. 280–281; Z. M a r k i e w i c z. Les relations de Charles-Edmond Chojecki avec Herzen et les émigrés 1849–1867 (“Annali dell Istituto Universario Orientale”. Sezione Slava. Napoli, 1964, p. 127–136); Л. Л а н с к и й. Из переписки Герцена и о Герцене (“Вопросы литературы”, 1975, № 4, с. 199–209).

³ См.: А. М. О р е х о в. Дело Юзефа Ольшевского (Сб. “Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года”. М., 1962, с. 479–505).

⁴ См. об этом в “Былом и думах” (XI, 131); *Мейзенбург*, 260–261; M. A k i e l e w i c z. O potrzebie przymierza między Polską, a Rosją rewolucyjną (“Demokrata Polski”, 1862, № 32–36, 3.V–26.VI).

⁵ См.: З. П о к р о в с к а я. Еще один перевод... (“В мире книг”, 1974, № 12, с. 82).

⁶ S. W o r c e l l, A. Ż a b i c k i, L. Z i e n k o w i c z. Rewolucyjny obowiązek Rosji. Odezwa Centralizacji TDP (“Demokrata Polski”, 1853, № 20, 15.VIII, s. 77–79; русский перевод: “Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей”, т. III. М., 1958, с. 569–575).

⁷ "Demokrata Polski", 1858, № 34, 31.VIII.

⁸ "Liberalizm i liberaliści" ("Demokrata Polski", 1859, № 43); "Złudzenia" ("Demokrata Polski", 1859, № 46, 28.II); "Od kolebki przez życie", т. II. Кр., 1936, s. 248–249.

⁹ "Demokrata Polski", 1859, № 46, 28.II.

¹⁰ "Aleksander Herzen i wolna Drukarnia w Londynie" ("Przegląd Rzeczy Polskich", 1858, 10.XI, s. 1–35); "Postępową myśl rosyjską wobec zadań polskich" (ibid., 1859, 14.XII; 1860. 28.I. Статья анонимная, датированная 29.XI 1859).

¹¹ Эти копии сохранились в ряде польских архивов (Рукописный отд. Библиотеки PAN (Краков) и др.); в архивах Львова и Вильнюса разыскания произвела Д.Б. Кацнельсон (см. ее статью "Произведения А.И. Герцена в рукописных копиях польских повстанцев (1861–1864)" в сб.: "Славянские страны и русская литература". Л., 1973, с. 68–87).

¹² Ср. Д.Б. Кацнельсон. Образы русских революционеров в польской повстанческой поэзии 1861–1864 гг. (сб. "Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.". М.–Л., 1968, с. 190–197).

¹³ Эти адреса появились и в польской прессе того времени (см. XVI, 234); "Dziennik Poznański", 1861, № 158, 12.VII; "Лит. наследство", т. 64, с. 770–771; "Русско-польские революционные связи 60-х годов..." с. 35–37, 40–42 и 45).

¹⁴ T. Koberdowa. Polityka czartoryszczyzny w okresie powstania styczniowego. W., 1957, s. 50.

¹⁵ H. Wereszycki. Stosunki Hotelu Lambert z Hercenem i Bakuninem w przededniu powstania styczniowego ("Przegląd Historyczny", 1957, № 2, s. 234–269).

¹⁶ "Listy z Paryża" ("Goniec Polski", 1851, № 215, 19.IX; перепечатка: J. Kłaczko. Pisma z lat 1849–1851, zebrał dr. B. Erzepki. Poznań, 1919, s. 209–214); см. книгу I-ю наст. тома.

¹⁷ См.: "Лит. наследство", т. 62, с. 686–689.

¹⁸ См.: И.М. Белявская. А.И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х гг. XIX в. М., 1954; Ю. Ковальский. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 г. в Польше. М., 1953; В.А. Дьяков, И.М. Миллер. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1966; С.М. Фалькович. Идеино-политическая борьба в польском освободительном движении 50–60-х гг. М., 1966; A. Leśniewski. Bakunin a sprawy polskie w okresie Wiosny Ludów i powstania styczniowego 1863 r. Łódź. 1962; G. Kurpisowa. Aleksander Herzen a emigracja polska w latach 1847–1870. Gdańsk, 1964; S. Kijeniewicz. Powstanie styczniowe. W., 1972, s. 272–277; более подробно о дальнейших исследованиях в этой области говорится в докладе С. Кеневича: "Rewolucyjny sojusz polsko-rosyjski w dobie powstania styczniowego" (сб. "Związki rewolucjonistów polskich i rosyjskich w XIX w." Wrocław-W.–Kr.–Gdańsk, 1972, s. 111–124).

¹⁹ В 1960–1968 гг. вышло пять томов: "Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи". М., 1960; "Русско-польские революционные связи 60-х годов..."; «К столетию героической борьбы "за нашу и вашу свободу"». М., 1964; "Революционная Россия и революционная Польша (вторая половина XIX в.)". М., 1967; "Связи революционеров России и Польши XIX–начала XX в.". М., 1968. О результатах исследований на эту тему см. доклад И.С. Миллера: "Prace radzieckie o polsko-rosyjskich stosunkach rewolucyjnych XIX w. Stan badań. Potrzeby. Perspektywę", а также выступления в прениях ("Związki rewolucjonistów polskich i rosyjskich...", s. 7–32).

²⁰ До 1985 г. вышло двадцать пять томов этого монументального издания, начатого в 1961 г. томом "Показания и записки о польском восстании 1863 г. Оскара Авейде". Материалы по интересующей нас проблеме, основанные на первоисточниках, вошли не только в два тома, специально посвященных польско-русскому революционному сотрудничеству в период восстания 1863 г., но и в другие тома, освещающие общественное движение в Литве, Белоруссии и на Украине; в них перепечатаны материалы из подпольной прессы и воспроизведены документы повстанческих организаций.

²¹ На польском языке вышел том, подготовленный Л. Базыловым и М. Вежховским, под названием "Herzen o powstaniu styczniowym" (W., 1958). Самые интересные тексты включены в т. III составленного И.С. Миллером и И.С. Нарским сборника "Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей", а также в сборники "Русско-польские революционные связи..." из указанной выше серии "Восстание 1863 года. Материалы и документы". Отдельные выступления польских авторов еще до того были опубликованы в переводе на русский язык в герценовских томах "Лит. наследство" (см. т. 64, с. 767–768 и др.).

²² "Współpraca polskich i rosyjskich sił postępowych w polskiej prasie emigracyjnej i konspiracyjnej lat 1859–1864" ("Z dziejów współpracy rewolucyjnej Polaków i Rosjan w 2 połowie XIX w." Wrocław, 1956, s. 9–70); Р. Слизовский. Герцен глазами поляков. (Проблемы... с. 370–392); F. Sielicki. Herzen w Polsce ("Slavia Orientalis", 1971, № 1, s. 69–79).

²³ F. Sielicki. Dziewiętnastowieczni rewolucjoniści rosyjscy w Polsce międzywojennej. – I. Aleksander Herzen ("Przegląd Humanistyczny", 1970, № 2, s. 149–155); W. Śliwowska. Aleksander Herzen (сб. "Pisarze i krytycy. Z recepcji nowożytnej literatury rosyjskiej w Polsce". Wrocław-W.–Kr.–Gdańsk, 1975, s. 139–170).

²⁴ И.С. Миллер и Т.Ф. Федосова. Очерки революционных связей народов России и Польши 1815–1917 (сб. "Революционная ситуация в России 1861–1864". М., 1976, с. 130–189, там же библиография).

²⁵ WiR. Śliwowski. Aleksander Herzen. W., 1973 (там же библиография).

²⁶ ЛЖГ I–V.

²⁷ A. Potocki (J. Bałaszewicz). Raporty szpiega. Wybór, opracowanie i studium wstępne R. Gerbera, т. I–II. W., 1973.

²⁸ J. Iwaszkiewicz. Niebezpieczny prowokator. Mniemany hrabia Albert Potocki ("Kurier Literacko-Naukowy", dodatek do "Ilustrowanego Kuriera Codziennego", 1928, № 53).

²⁹ См. "W kręgu wielkich wygnańców (1848–1895)". W., 1963, s. 491–493 и по указателю.

³⁰ См. "Лит. наследство", т. 64, с. 767^{105*}.

³¹ См. также (ниже) письмо Ю. Цверцякевича к Герцену от 26 июня 1863 г.

³² См. письма Герцена к Т.К. Сондерсу и Ч.Г. Пирсону (публ. и прим. Дж. Трегенза) в сб. "Проблемы...", с. 27 и 30; XXX, 581–593 и 700–704.

³³ С.Д. Л и щ и н е р. Неизвестное предисловие Герцена к очерку Ч.-Г. Пирсона о Польше (*Известия ОЛЯ*, 1975, вып. 2-й, с. 144–157); о н а ж е. Статья А.И. Герцена о польском восстании в "Daily News" (сб. "Памятники культуры. Новые открытия 1975". М., 1976, с. 86–97).

³⁴ См.: "Обращение к польским демократам", публ. Я. Черняка ("Лит. наследство", т. 61, с. 133–136); «Протест польских эмигрантов против издателей "Колокола"», публ. И.М. Белявской ("Лит. наследство", т. 64, с. 774–778); см. об этом и в упоминаемой выше книге Г. Курписовой "Alexander Herzen a emigracja polska w latach 1847–1870" (см. прим. 18), s. 38–125, а также: J.W. В о г е j s z а. *Emigracja polska po powstaniu styczniowym*. W., 1966, s. 334–345.

³⁵ "Niepodległość", 1866, № 12, 30.IX.

³⁶ "Do braci Polaków!" ("Gmina", 1867, N. 5–6, 30.V, s. 24). См. также статью: J. Т о к а р з е в i c z. *Ogarew o szlachcie polskiej na Litwie* ("Gmina", 1866, № 3, 30.XI, s. 11). О.Е. Токаревиче см.: сб. "Radykalni demokraci polscy", opracowała F. Romaniukowa. W., 1960, а также "Лит. наследство", т. 62, с. 575–581.

³⁷ А. Р о т о c k i (В а л а s z e w i c z). "Raporty szpiega", op. cit. s. 7.

³⁸ А. Щ е с н о в и ч (А. S z c z e s n o w i c z) – автор статьи, которая появилась в "Peuple Polonais" 15 мая 1868 г., установил контакты с А.А. Серно-Соловьевичем, открыто провозглашавшим, хотя с иных позиций, чем польская сторона, лозунг "Сначала отделение, а позже братский союз" (Герцен даже подозревал, что упомянутая статья была написана Щесновичем и Серно-Соловьевичем совместно). См.: "Лит. наследство", т. 41–42, с. 111–115.

³⁹ J.I. K r a s z e w s k i. *Z roku 1867. Rachunki przez Boleslawite*. Poznań, 1868, s. 64–88; "Tydzień Polityczny, Naukowy, Literacki i Artystyczny" (Drezden), 1871, № 1, I.I, s. 6–8. Нельзя не отметить, что в январе 1871 г., через год после смерти Герцена, Крашевский почтил его память статьей, исполненной высочайшего уважения (в связи с появлением в печати тома его посмертных сочинений).

⁴⁰ "Русско-польские революционные связи 60-х годов...", т. II, с. 529–530.

⁴¹ "Głos Wolny", 1867, № 143, 10.VIII.

⁴² Это были: одно письмо к С. Ворцелю, одно письмо к З. Йордану, три письма к Ю. Клячко, одно письмо к А. Корвин-Кохановскому, одно письмо к О. Корвин-Вержбицкому, три письма к Вл. Мицкевичу, одно письмо к неизвестному польскому адресату, три письма к К. Островскому, одно письмо к Р. Пиотровскому, три письма к А. Сохановскому, четырнадцать писем к К.-Э. Хоецкому, одно письмо к Ю. Цверцякевичу, одно письмо к В. Чарторыскому, одно письмо к Л. Зенковичу. Ср. письмо Герцена к Чарторыскому в кн. 1-й наст. тома.

⁴³ Кроме упомянутых уже обращений-адресов, нам известны лишь разрозненные письма поляков к Герцену, опубликованные в т. 62 "Лит. наследства": Паулины Вильконской, Анджея (а не Владислава) Неголевского и Ю. Токаревича, а также аннотация письма А. Гуровского (см. его полный текст выше) и в т. 64 – фрагмент перлюстрированного письма А. Милевского. Перепечатанное в этом разделе письмо К.-Ц. Норвика к Герцену впервые появилось в его собрании сочинений. Четыре из них были известны ранее: И. Лелевели в польском переводе с оригинала и в русском – *неточно* – с этого текста, письмо Р. Рачинского с авторизованной копии, сохранившейся в архиве Чарторыхских в Кракове, опубликованной Г. Верещицким в 1957 г., и Ю.-Б. Островского – в польском переводе опубликовано при жизни Герцена в газете "Dziennik Poznański" (1861, № 158, 12.VII, s. 3).

⁴⁴ M. М о d z e l e w s k i. *Lata 1861–1863*. Biblioteka Jagiellońska. Rkpс 60, s. 243.

^{105*} В XXVII том 30-томного Собрания сочинений Герцена (1963) введены подготовленные по перлюстрационным копиям 5 писем, связанных с польским восстанием 1863 г.: два к В.И. Касаткину (с. 300–302) и по одному к А. Сохановскому (302–303), Р. Пиотровскому, С.Л. Левицкому (307–308) и Н.Д.(?) (312–313). Целесообразность этого решения опротестовал на заседании редакционной коллегии (1962) член текстологической комиссии этого издания Л.Р. Ланский, доказавший, что перечисленные письма представляют собой фальшивки, изготовленные агентом III Отделения, поляком-provokатором Ю. Балашевичем-Потоцким. Аргументация Л.Р. Ланского может быть в основном сведена к следующим положениям. В письмах содержится ряд утверждений, противоречащих четкой позиции Герцена, считавшего польское восстание в данных условиях крайне вредным для русской демократии и общественного движения. От какого бы то ни было участия в нем он решительно отказывался. После ареста Чернышевского и Н.А. Серно-Соловьевича вследствие неосторожного упоминания о них в одном из писем Герцена, он стал в своей переписке придерживаться строжайшей конспирации. Между тем, письма, о которых идет речь, наполнены сведениями о деятельности польских и русских революционеров, в них отдаются чуть ли не боевые приказы инсургентам и русским участникам, поощряется их активность, раскрываются планы провинциальных отделений "Земли и воли", звучат невозможные под пером Герцена заверения, что польское восстание явится "зарюю для нашей свободы" и т.п. Стиль писем, несмотря на попытки имитировать динамизм герценовской эпистолярной манеры, скован и явно вторичен, чувствуется, что автор не русский, а поляк. Поскольку именно на этих письмах в основном базировалась и еще базируется влиятельная концепция об активном участии Герцена в польском восстании, редакционная коллегия не решилась на изъятие их, и они были напечатаны в основном разделе тома без всяких оговорок. Так же поступила и редакционная коллегия "Летописи жизни и творчества Герцена". Настоящее примечание должно послужить напоминанием о необходимости подвергнуть строгому анализу эти приписываемые Герцену письма и окончательно решить далеко немаловажный вопрос о их подлинности. – Ред.